РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.

Урбанизированная культура в контексте метаболизма современного российского города как социобиотехнической системы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Белгород)

doi: 10.18411/lj-08-2019-18
idsp: ljournal-08-2019-18

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345).

Аннотация

Рассматривается специфика урбанизированной культуры как феномена, развитие которого в условиях глобализации носит метаболический характер. В качестве характерных черт метаболизма урбанизированной культуры выделяются, во-первых, функционирование по модели: «вход» (аккумулирование «веществ») – преобразование (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных) – «выход» (выбрасывание отходов в окружающую среду»); во-вторых, интеграция социальных и несоциальных элементов.

Ключевые слова: город, культура, урбанизированная культура, субкультура, метаболизм, культурный процесс, социобиотехническая система.

Abstract

The specifics of the urbanized culture as a phenomenon which development in the conditions of globalization has metabolic character are considered. As characteristic features of metabolism of the urbanized culture are allocated, first, functioning on the basis of model: “entrance” (accumulation “substances”) – transformation (decomposition of “substances” on simple and simultaneous education and consumption difficult) – “exit” (ejection of waste to the environment"); secondly, integration of social and unsocial elements.

Keywords: city, culture, urbanized culture, subculture, metabolism, cultural process, sociobiotechnical system.

Современный российский город, в каком бы контексте не использовалось это понятие, является сообществом, характеризующимся множеством субкультур. Они представляют собой «ценностные локальные миры, противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («социалистической», «либеральной», «христианской» и т.п.); индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; субсистема стилей и стилевого поведения; групповые формы культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства (в том числе и масскультовского)» [4, с. 45]. Но, несмотря на субкультурный полифонизм, применительно к городу вполне допустимо использовать понятие «урбанизированная культура», интерпретируя его как систему специфических ценностей и смыслов, процесса их производства, функционирования и воспроизводства.

Характерные черты урбанизированной культуры отчетливее всего могут быть рассмотрены в сравнении с реалиями неурбанизированных (сельских) сообществ,

несмотря на то, что в глобализирующемся социуме различия между городом и селом в способах создания и освоения культурных ценностей становятся все менее заметными. В числе этих черт целесообразно выделить следующие:

– индустриальная детерминация культурного процесса, выражающаяся в том, что, с одной стороны, он опирается на более развитую, чем на селе, материальную базу, но, с другой стороны, оказывается в жесткой зависимости от нее. В этом отношении современная урбанизированная культура находится в фатальной зависимости от ресурсов, продуцируемых с помощью техники и технологий, и в случае «отключения» от них вряд ли способна не только создавать новые артефакты, но и сохранять уже существующие;

– гипертрофированная персонификация создателей (творцов) в сочетании с анонимностью потребителей; для традиционной неурбанизированной среды более типична персонификация потребителей, в то время как создатели культурных образцов порой остаются неизвестными (народное творчество);

– дифференциация ценностно-смысловых комплексов, отражающая субкультурное многообразие, при унификации и стандартизации способов приобщения к ним. Неурбанизированная среда более гомогенна в ценностном отношении, несмотря на то, что по данному параметру село все более приближается к городу;

– коммерциализация культурного процесса, суть которой сводится не столько в ресурсной зависимости, сколько в его жесткой ориентации на культивирование потребительских ценностей. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, в частности, отмечают, что в современной России «обывательский образ жизни формирует в массах эгоистическое потребительство, распределительные отношения обретают облик «наивной хитрецы» (кидальчества), а в русле финансовых, особенно госбюджетных потоков – коррупции» [2, с. 590–591];

– отчетливо выраженная ориентация на статусы; в процессе культурного творчества и потребления его результатов, прежде всего, учитывается возможность повышения или сохранения такого положения в обществе, которое обеспечивает личный престиж, а соответственно – обладание деньгами и властью. Напротив, для сельских жителей, как заключает И.Н. Трофимова, «индивидуальная результативность стоит после коллективных интересов» [6, с. 66].

Культура современного города как система, существенным образом детерминирующая жизнедеятельность его жителей, требует постоянного управленческого воздействия, которое должно носить характер «мягкой силы» и опираться на научные разработки данной проблематики. Однако анализ показывает, что, несмотря на, казалось бы, постоянное внимание властей всех уровней к проблематике городской культуры, в данной сфере постоянно возникают конфликты, либо разрешаемые с огромным трудом, либо остающиеся неразрешенными. Они связаны с распределением ограниченных ресурсов для поддержки учреждений культуры, выбором памятников культурного наследия, нуждающихся в охране и восстановлении, противодействием деструктивным для общественной морали явлениям в искусстве.

Причины недостаточной успешности городской культурной политики во многом связаны, кроме всего прочего, с тем, что, хотя культура современного города постоянно служит объектом внимания исследователей, они сосредоточены преимущественно на анализе частных вопросов без решения общих [3, 5], что предопределяет нечеткость постановки стратегических целей, определения показателей оценки результативности управленческих воздействия.

Преодолеть концептуальную ограниченность позволяет в значительной мере теория города как метаболической системы, предпосылки которой содержатся еще в работах К. Маркса, использовавшего эту метафору для характеристики труда как

универсального процесса обмена веществ между человеком и природой. Развивая и конкретизируя это марксистское положение, О.Н. Яницкий предлагает исследовать город как метаболическую систему и пишет: «Современный город – сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «подвешен» на сетях, питающих его энергией и ресурсами, поступающими извне. Человек, создавший город и живущий в нём, не только конфликтует или договаривается, объединяется или дифференцируется» [7, с. 22].

Если принять идею города как метаболической системы (а это диктуется как реальными процессами, в рамках которых социальные системы разного уровня принимают характер сложных социобиотехнических систем – СБТ-систем, так и логикой развития научного знания, ведущей к интеграции естественных и гуманитарных наук), то ее можно свести к двум основным положениям. Во-первых, функционирование города осуществляется по модели: «вход» (аккумулирование «веществ», питающих город) – преобразование (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных «веществ») – «выход» (отходы «процессов жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду» [7, с. 21]) – дальнейшая трансформация отходов с непредсказуемыми последствиями. Во-вторых, на каждой из стадий метаболического процесса интегрируются все городские подсистемы, прежде всего, – технико-технологическая, биологическая и социальная. Метаболизм выражается в обмене «веществами» между ними и одновременном преобразовании как естественной, так и искусственной природы, что при условии его комплементарности ведет к достижению синергетического эффекта.

Алгоритм городского метаболизма воспроизводится в процессе функционирования урбанизированной культуры. Здесь также можно выделить четыре последовательных стадии:

– стадия «входа», характеризующаяся аккумуляцией городским сообществом информации, которая впоследствии будет переработана в виде культурных артефактов. Эта информация изначально выступает в виде своеобразного «культурного шума», содержащего в себе 1) целенаправленно созданные ценности и смыслы, как правило, закодированные их создателями в виде символов, 2) стихийно сложившиеся и столь же стихийно передающиеся продукты культурно-досуговой деятельности; 3) феномены сознания и практики, оформившиеся в сферах, изначально не относящихся к области культуры (техника, экология, медицина), но в условиях глобализации получившие ценностную легитимацию. Именно интеграция последних в аутентичное культурное пространство означает его метаболизацию и образование на границах гибридных форм (экологическая культура, технологическая культура, культура здоровьесбережения и др.);

– стадия преобразования исходного «вещества». В общей теории метаболизма она осуществляется по двум направлениям: анаболизм, представляющий распад веществ на простые, и катаболизм, суть которого заключается в синтезе сложных веществ из простых. Аналогичные процессы протекают и в урбанизированной культуре. Анаболистической по своему характеру является массовизация культуры, в ходе которой она приобретает ряд характерных черт: преувеличенная имиджевость, односторонность, примитивизация, масс-медийная ориентация. Катаболическая тенденция находит свое воплощение в элитарной (креативной) культуре и связана с индивидуализацией творчества, символизацией, эксклюзией субъекта. Наличие двух противоположных по своей направленности векторов ведет, согласно выводам, полученным А.С. Барминой и М.А. Сафоновым на материалах Санкт-Петербурга, к образованию в рамках городского культурного пространства двух видов институций – массово-развлекательной, управляемой менеджерами и ориентированного на широкую аудиторию, и художественно-специфического, нацеленного на сохранение и поддержание искусства [1, с. 91]. Особенностью обеих тенденций в современном

городе вновь является интеграция ими собственно культурной традиции и феноменов, относящихся к другим сферам человеческой деятельности. Так, например, массовая урбанизированная культура сегодня не мыслима без информационно-технологической составляющей (в частности, гаджетов), а элитарная – все использует апеллирует к достижениям естествознания при решении чисто гуманитарных задач, что, в частности, нашло свое отражение в концепциях трансугманизма и киборгизации человека;

– стадия «выхода» воплощается в процессе аккумулирования и отбрасывания урбанизированной средой «культурного мусора». Его можно определить как комплекс продуктов культурного творчества, которые 1) не были востребованы горожанами; 2) создают для них ситуацию дискомфорта, затрудним процесс жизнедеятельности; 3) угрожают дестабилизировать отношения в городском сообществе; 4) не соответствуют доминирующим эстетическим нормам. Эти критерии оценки не являются исчерпывающими и, очевидно, могут быть уточнены и дополнены в ходе дальнейшего анализа. К тому же следует учитывать, что в силу субкультурного многообразия городской среды то, что для одних социальных групп является «мусором», для других – эталоном творчества;

– стадия трансформации «культурного мусора» представляется наиболее сложной, как в практическом плане (при определении необходимых регулирующих воздействий), так и с точки зрения научного осмысления. Часть его может быть архивирована («складирована»), что не исключает культурной реновации в случае изменения господствующих ценностно-смысловых комплексов (показательна в данной связи судьба памятников). Другая часть – преобразована (переработана) и включена в общий культурный процесс. Наконец, какая-то часть может сохраняться в неизменном виде как комплекс фетишей, имеющих сакральное значение для своих приверженцев.

Важнейшим процессом, определяющим динамику городской метаболической субкультуры, является селекция, представляющая собой отбор (как стихийный, так и целенаправленный) феноменов субкультуры, разделение их на востребованные и не востребованные городским сообществом или его отдельными структурами. Специфика такой селекции в условиях города определяется рядом факторов:

1) состав селектората. В нем можно выделить по меньшей мере три группы участников: творческая интеллигенция, административно-бюрократический истеблишмент, граждане. Каждая из них отстаивает в данном случае свои интересы, этические и эстетические принципы и, соответственно, претендует на свою «зону принятия решений» в рамках культурного пространства. Для творческой интеллигенции такой «зоной» является элитарное искусство, ориентированное на небольшую группу людей, обладающих особой художественной восприимчивостью, в силу которой они обычно презентуют себя как лучшая часть общества, его элита; для большинства граждан – массовая культура. Наиболее сложной выглядит позиция административно-бюрократического истеблишмента, который в качестве объекта селекции рассматривает субкультуру города в целом. Однако, как правило, его претензии весьма скептически воспринимаются двумя другими участниками селектората, которые склонны ограничивать функции администрации обеспечивающей деятельностью в сфере культуры.

Нарушение границ «зон» при вынесении решений, как правило, приводит к конфликтам (довольно распространенными ситуациями в данной связи является попытка представителей интеллигенции дискредитировать образцы массовой культуры, или же – запретительные меры администрации в отношении молодежной культуры (наглядным примером являются попытки городских властей уничтожить молодежные граффити);

2) сочетание формальных и неформальных практик селекции. Формальные практики опираются на использование санкций, они нормативно регламентированы и предполагают ясные критерии оценки результативности. Следовательно, они

институционализированы. Неформальные практики связаны с использованием ценностных регуляторов, не закреплены нормативно и не связаны с использованием жестких оценочных критериев. Формальные практики, как правило, используются административным истеблишментом; неформальные – творческой интеллигенцией и «рядовыми» гражданами;

3) субъективизм. Поскольку область культуры включает в себя предельно широкий круг феноменов, которые в рамках метаболического процесса «захватывают» не только социальную сферу, но технику, технологию и природную среду, участникам селектората приходится выносить публичные или «закрытые» решения по проблемам, в которых они часто являются недостаточно компетентными. К тому же культурная деятельность сама по себе изначально ориентирована на преимущественно субъективное восприятие и освоение реальности, что признается большей частью участников как данность. Попытки ряда представителей административно-бюрократического истеблишмента объективизировать процесс селекции чаще всего не имеют успеха и вносят во взаимоотношения участников городского сообщества элемент напряженности.

Таким образом, в целом, метаболический процесс функционирования городской субкультуры определяется как специфический способ обмена веществом и энергией, с одной стороны, между городом и внешней средой; с другой стороны, внутри городского пространства, основанный на сочетании формальной и неформальной селекции природных и искусственных феноменов.

***

1) Бармина А.С., Сафонов А.М. Идентичности и связи в петербургском секторе креативных индустрий // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 82-92.
2) Горшков М.К., Шереги Ф.А. Молодежь России: социологический портрет. – Москва: Центр социального прогнозирования, 2010. – 592 с.
3) Птичникова Г.А., Антюфеева О.А. Искусство в архитектурном пространстве современного города // Социология города. – 2017. – № 2. – С. 62-74.
4) Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: дис. … канд. филос. наук : 09.00.14. – Тула, 2011. – 172 с.
5) Смирнова И.Н. Культурно-досуговые практики населения малого города как характеристики образа жизни // Социология города. – 2016. – № 2. – С. 45-57.
6) Трофимова И.Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных установок и политических ориентаций россиян // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 3 (7). – С. 60-78.
7) Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 16-32.
8) Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 3 (15). – С. 5-22.

Костина С.Н.[1], Зайцева Е.В.[1], Банных Г.А.[1,2]

Особенности формирования электронными СМИ образа многодетности

[1]ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
[2]ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
(Россия, Екатеринбург)

doi: 10.18411/lj-08-2019-19
idsp: ljournal-08-2019-19

Аннотация

Статья посвящена изучению феномена многодетной семьи, который становится актуальным для исследователей, практиков и социальных акторов из-за происходящих социокультурных и экономических трансформаций современного общества. Образ многодетности в сознании россиян формируется очень активно за счет масс-медиа, социальных сетей и др. социальных акторов информационного общества. Цель статьи –